

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-6-330-338

ЧЕРНЯВСКИЙ А.Г.,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
государственного (конституционного) и международного права
Военного университета Министерства обороны РФ,
e-mail: mail@law-books.ru

МОЖЕТ ЛИ ФИЛОСОФИЯ ПРАВА РАСКРЫТЬ ИСТИННУЮ ПРИРОДУ ПРАВА КАК СОЦИАЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ И СВЯЗАТЬ ЕГО С ГЛОБАЛЬНЫМ ЭТИЧЕСКИМ ПОРЯДКОМ? (ЧАСТЬ 2)

Аннотация. В предлагаемой статье авторы убедительно демонстрируют, что философия права не ограничивается лишь систематизацией материала, предоставляемого позитивным правом и специализированными юридическими науками. Она ставит перед собой более амбициозную задачу: исследовать глубинную сущность феномена права, рассматривая его в контексте мирового разумно-этического порядка.

В рамках данной статьи исследуется комплекс вопросов, связанных с тем, что каждая из представленных наукой теорий содержит в себе определенную долю истины, что открывает возможность для высшего синтеза различных, на первый взгляд, взаимоисключающих воззрений.

Ключевые слова: философия права, теория государства и права, синтез взглядов, гармоничность, философско-правовая разработка, общественная жизнь, идеализм, метафизика.

CHERNYAVSKIY A.G.,

Doctor of Law, Professor, Professor,
Department of State (Constitutional) and International Law,
Military University of the Ministry of Defense
of the Russian Federation

CAN LEGAL PHILOSOPHY REVEAL THE TRUE NATURE OF LAW AS A SOCIAL PHENOMENON AND LINK IT TO THE GLOBAL ETHICAL ORDER? (PART 2)

Annotation. In the proposed article, the authors convincingly demonstrate that the philosophy of law is not limited only to the systematization of the material provided by positive law and specialized legal sciences. She sets herself a more ambitious task: to explore the deep essence of the phenomenon of law, considering it in the context of the world reasonable ethical order.

This article examines a set of questions related to the fact that each of the theories presented by science contains a certain amount of truth, which opens up the possibility for a higher synthesis of various, at first glance, mutually exclusive views.

Key words: philosophy of law, theory of state and law, synthesis of views, harmony, philosophical and legal development, social life, idealism, metaphysics.

Продолжая первую часть нашей статьи, важно отметить; вообще, что касается ограничения компетенции разума в познании мира - здесь надо помнить уроки истории культуры. Она даёт нам целый ряд назидательных фактов, свидетельствующих о том, что проблемы, которые ранее считались наукой

неразрешимыми, впоследствии оказывались вполне доступными для понимания и решения даже школьниками.

В современной гносеологии очень широко распространено воззрение, ведущее свое начало от Канта, а именно воззрение о непознаваемости «вещей в себе». Очень любят ссылаться на гени-

ального философа, который поставил вопрос: существует ли метафизика, как наука? Утверждают, что Кант окончательно разрешил этот вопрос в негативном ключе, доказав в своей работе «Критика чистого разума», что научное решение основных проблем метафизики невозможно. Особенно значимым считается его знаменитое гносеологическое учение, в котором он показал, что мы сами формируем окружающий нас мир на основе данных, которые получаем через чувства. Ощущения перерабатываются в восприятия благодаря врождённым нам формам времени и пространства; восприятия перерабатываются далее рассудком благодаря врождённым ему категориям (количество, качество, субстанция, причинность и т. д.) и наконец все окончательно перерабатывается разумом, благодаря врождённым ему трем идеям: душа, мир и Бог [7].

Таким образом оказывается, что те понятия, которые получаются у нас в результате всего указанного процесса, всецело обусловлены устройством нашего познающего инструмента. Этот инструмент сам диктует миру свои законы; мир доставляет ему только материал в виде ощущений. Отсюда вывод: мы не можем сказать, что наши понятия представляют собой понятия «о вещах в себе»; вещь в себе воздействует на наш познавательный аппарат, и если бы этот аппарат имел другое устройство, то все наши понятия коренным образом могли бы измениться.

Обращаясь к оценке этих ссылок на авторитет Канта, надо прежде всего отметить, что они заключают в себе недоразумения. Дело в том, что Кант - один из труднейших философов для понимания, и не смотря на огромное количество работ по рассматриваемому вопросу, до сих пор не достигнуто соглашение по целому ряду важнейших вопросов его философии. Во всяком случае несомненно, что на основании одной «Критики чистого разума» [6] нельзя делать окончательных заключений; надо брать Канта, как целое. И тогда мы увидим, что критика Канта направлена вовсе не против метафизики, как таковой, а против некоторых заблуждений предшествовавшей и современной ему метафизики. По существу же Кант был убеждённым и глубоким метафизиком.

Что же касается его гносеологии, так резко отделившей мир вещей в себе от мира явлений, то отдавая должное ему за то новое и ценное, что он внес в историю гносеологии, необходимо признать, что его теория знания не может быть принята целиком. Она создает непримиримый дуализм между познающим субъектом и окружающим его миром. Мир воздействует на субъект, но эти воздействия перерабатываются, познавательным аппаратом, имеющим свои законы, формы, категории, идеи. Поэтому мы познаем мир не таким, каков он есть, а таким, как он преломляется в

нашем сознании. Таким образом мы получаем с одной стороны познающего субъекта с его формами, категориями, законами, идеями, а с другой - мир с неведомыми нам законами, категориями, сущностями.

Естественно возникает такой вопрос: откуда же появились в нашем сознании все эти формы, законы, категории, идеи, если их совсем нет в мире, в «вещах в себе»? Ведь наше сознание, наш разум есть неразрывная часть мироздания; все в мире связано, все проникнуто одними и теми же общими началами. А если так, то как можно утверждать, что те законы, которые мы открываем в нашем разуме, те формы, категории, идеи, посредством которых наше сознание связывает и обрабатывает получаемые извне впечатления, что все это существует только в нас, а не вне нас? Как можно утверждать, что мышление и бытие - это два совершенно различных порядка? С таким дуализмом невозможно примириться.

Гораздо последовательнее те гносеологические направления, которые совершенно отвергают существование внешнего мира и воздействие его на познающего субъекта, а утверждают, что все наше знание целиком состоит из психических процессов, и что познающий субъекта познает только свои личные переживания, состояния (психологизм). Несмотря на абсурдные заключения, к которым приводят эти направления, зачастую разработанные с исключительной изощрённостью и чрезвычайной сложностью, достойной лучшего применения, они благодаря своему единообразию кажутся выше кантовского разделения сфер мышления и бытия.

И даже так называемый наивный реализм имеет благодаря своему примитивному монизму преимущество перед разбираемой теорией: в нём нет непроходимой пропасти между познающим субъектом и окружающим миром.

Но гносеология знает теории, свободные и от Кантовского дуализма, и от нелепостей только что отмеченных направлений. Мы здесь не можем заниматься изложением этих теорий. Стоит подчеркнуть, что эти концепции утверждают, что человек способен постигать мир в его целостности, включая как материальное, так и идеальное, сверхчувственное бытие. Ещё Гегель углубил и обосновал давнюю философскую идею, согласно которой законы нашего разума совпадают с законами окружающего мира (панлогизм), и привёл этому множество убедительных аргументов. А новейшие гносеологические теории дают новые и чрезвычайно сильные аргументы в пользу того воззрения, согласно которого наш разум познает мир в подлиннике, а не в копиях, символах и т. п. (В русской науке имеется превосходное исследование Н. Лосского «Обоснование интуитивизма». (Н.О. Лосский, Обоснование интуитивизма,

Санкт-Петербург. тип. М.М. Стасюлевича, 1906). Настоящее сочинение впервые было напечатано в журнале «Вопросы философии и психологии» за 1904-1905 гг. под заглавием: «Обоснование мистического эмпиризма». Автор с глубоким знанием дела доказывает защищаемую им гносеологическую теорию, основными чертами которой являются между прочим: отрицание дуализма знания и бытия; утверждение, что сверхчувственное бытие дано нам в опыте, и возможность познания этого бытия)

Итак, не могут быть приняты теории, ставящие разуму принципиально-непроходимые границы. Объектом познания выступает весь мир в его целостности, включая как чувственные, так и сверхчувственные аспекты.

Рассмотрим теперь другие важнейшие возражения против научного характера философии.

Прежде всего надо заметить, что в столь часто приводимом аргументе, основанном на принципиальной противоположности понятий - явление и сущность, заключается недоразумение. Разница между этими терминами лишь в форме: сущность проявляется через явления. Кроме того, то что представляет собою сущность в одном отношении, сплошь и рядом есть только явление в другом отношении. Все различие между философией и специальными науками говорит Вл. Соловьев, заключается в том, что специальные науки изучают определенные группы явлений и их ближайшие сущности с известной точки зрения, между тем как философия имеет в виду все явления мировой жизни и стремится познать их общую сущность, первоосновы мира. Очевидно, что тут все сводится к пониманию трудности вопроса. И подобно тому, как гораздо легче написать научную монографию, чем полный курс, так и несравненно легче иметь дело с маленькой, ограниченной частицей мира чем с целым. В последнем случае гораздо легче ошибиться, упустить из виду те или иные факты, усвоить одностороннее направление, требуется гораздо большая острота и глубина ума, особый его склад, особые симпатии, большая эрудиция, большой запас творческих сил.

Но из всего этого может быть сделан только один вывод: далеко не каждый ученый может быть и философом. К сожалению, многие ученые, будучи дилетантами в философии, вводят в свои работы философский элемент и даже берутся за разрешение философских вопросов. Результаты получаются чаще весьма печальные (Назидательным примером может служить многое из того, что пишут ученые уголовного права о свободе воли. Несмотря на то, что проблема эта не входит в компетенцию науки уголовного права, почти все специалисты в этой отрасли права отводят ей место в своих курсах и дают свои решения, руководствуясь сплошь и рядом своим личным миро-

воззрением и недостаточными сведениями о проблеме. Они забывают, что если никому не возбраняется иметь личное мнение о свободе воли и читать соответствующие сочинения, то из этого вовсе не следует, что такие мнения можно вводить в науку. Аналогичных примеров можно привести много из различных специальных наук. Химик, ботаник, лингвист, юрист-догматик не пустят друг друга хозяйничать в своих науках без надлежащей подготовки; каждый из них сошлется на свое незнание, когда ему предложат решить специальный вопрос из чужой области. А между тем все они считают себя совершенно компетентными в решении философских вопросов).

Можно встретить еще и такое возражение против философии. Она стремится познать мир как целое во всей его полноте; но ведь это совершенно недостижимая цель: мы видим, что для полного изучения какой-нибудь частицы мира нужны многие поколения человеческого труда. При современной специализации знаний, при развитии специальных наук невозможно и представить себе ученого, который был бы в состоянии овладеть всеми науками. А значит философия, желающая охватить всю совокупность знаний в одно гармоничное целое, неизбежно обречена на дилетантизм и поэтому о научном ее характере не может быть и речи.

Это возражение справедливо относительно так называемой положительной философии. Она не имеет своего предмета, а занимается сведением в систему и обработкой всех обобщений, всех окончательных выводов специальных наук; она всецело зависит от этих наук. И конечно, чтобы понять и оценить надлежащим образом выводы специальной науки, надо знать весь материал этой науки. Но ведь метафизика имеет свой предмет, которым не может заниматься ни одна специальная наука. Ясное дело, что философ должен обладать совершенно особой подготовкой, чтобы работать в своей области. Конечно самые широкие познания из областей специальных наук для него необходимы. Но из этого вовсе не следует, что он должен знать все науки и во всей их полноте.

С первого взгляда может показаться очень сильным следующий аргумент против научного характера философии. Выводы, результаты специальных наук отличаются точностью, достоверностью; ученый специалист может доказать свои положения неопровержимо. Между тем как все выводы философии носят в лучшем случае гипотетический характер. Какая же это наука, когда один философ утверждает, что в основе мира лежит духовное начало, а другой, - что это начало материально; один философ учит, что есть только одно основное начало, а другой - что таких начал два, или даже бесконечное множе-

ство; один защищает свободу воли, другой ее отвергает и т. д. В конце концов мы видим очевидный прогресс специальных наук и одно и то же состояние бесконечных споров в философии.

Вся эта аргументация есть сплошное недоумение. Если мы обратим внимание на специальные науки, то заметим, что они представляют собой известную градацию по степени сложности и трудности для разработки их предметов. А в зависимости от этого получается градация по степени точности и достоверности их выводов: чем проще предмет, тем точнее и безошибочны выводы науки. Математика стоит гораздо выше естествознания по степени достоверности своих результатов; естествознание выше гуманитарных наук; догматическая юриспруденция выше сравнительного языкознания и т. д.

Но ведь из всех областей знания философия выделяется чрезвычайной сложностью своего предмета и трудностью своих задач. Очевидно, что она и не может претендовать на математическую точность своих выводов.

Стоит отметить, что гипотетический характер этих выводов вполне оправдан, поскольку без гипотез не обходится ни одна наука. И строго говоря, большинство научных теорий представляют собой гипотезы, причем некоторые из них совершенно не поддаются точной проверке. Возьмем, например, такие гипотезы, как атомистическую теорию, теорию эфира (теорию квантовых полей), теорию Дарвина и т. п. Таким образом в этом отношении нет принципиальной разницы между философией и частными науками. Вся область человеческого знания не есть что-нибудь законченное, она постоянно развивается. И то, что мы знаем, представляет собой лишь бесконечно небольшую часть того, что мы должны знать.

А стоит нам сравнить историю философии с историей специальных наук, то увидим, что с одной стороны и та, и другая дают многочисленные примеры заблуждений, а с другой стороны, что и та, и другая представляют в общем картину развития человеческой мысли. Только надо помнить, что этот прогресс в истории философии гораздо труднее подметить, чем прогресс в специальных науках. В этих целях конечно необходимо предварительное и тщательное изучение истории философии в связи с изучением отдельных философских систем. Такое изучение приводит к убеждению в несомненном прогрессе философской мысли. Даже если оставить в стороне гносеологию, где прогресс замечен и для неспециалистов в философии, метафизике, эта важнейшая, центральная часть философии, не отличается в этом отношении от остальных областей знания: целый ряд частных проблем получает более правильное разрешение, отпадают некоторые

односторонние воззрения (например, чистый материализм), намечаются пути для соглашения по основным проблемам. А главное, - различные философские системы друг друга дополняют. Вот почему нет ничего опаснее, как знакомство с философией по каким-либо двум-трем сочинениям, или по системе одного мыслителя. Для дилетанта этого быть может и достаточно, но человек, ищущий истину без предвзятых мыслей, должен помнить знаменитое изречение Бэкона: «Немного философии склоняет ум человека к атеизму, но глубина философии приводит умы людей к религии» (*Levis haustus philosophiae ducit ad atheismum, plenus ad Deum*).

Наконец указывают на то, что наука разрабатывается при помощи точных методов, между тем как философия пользуется ненаучными методами и поэтому лишена научного характера.

Здесь опять нестыковка, основанная: во-первых, на отождествлении некоторых отдельных философов со всей философией и во-вторых, на односторонностях и заблуждениях, подмеченных у некоторых крупных представителей философии. В истории философии можно найти примеры построений систем, или отдельных частей систем путем одного только умозрения, с закрытыми глазами и ушами. Эта же история свидетельствует нам о ряде ошибок, допущенных философами между прочим вследствие такого полного игнорирования фактов реальной жизни.

Но отмеченная односторонность никоим образом не представляет собой общего для всей истории философии явления. Напротив, огромное большинство представителей философии считаются с фактами, изучают их и строят свои системы не только на данных чистого умозрения, но и на материале, полученном от изучения фактов. Есть даже и такие философы, которые чересчур переоценивают этот материал.

Вообще надо помнить, что наука пользуется для своих исследований главным образом двумя основными методами: дедуктивным и индуктивным, а также их подразделениями. Эти методы друг друга взаимно дополняют, при чем большее или меньшее преобладание одного из них зависит от свойства и качества того материала, который изучает каждая данная наука. А, например, математика пользуется исключительно дедуктивным методом, т. е. индукция - изучение фактов при помощи наблюдения и опыта, совершенно непригодна для разработки ее предмета. И тем не менее никто никогда не сомневался в научности математики.

Само собой разумеется, что философия, отличаясь от всех остальных областей знания и чрезвычайной сложностью своего предмета, и широтой, и глубиной своих задач, должна пользоваться, и на самом деле пользуется, всеми мето-

дами, которыми пользуются специальные науки. Вместе с тем те же особенности ее предмета и задач обуславливают первенство дедуктивного метода.

Между философией и специальными науками есть различие относительно способов познания своего предмета. Различие это заключается в следующем. Кроме строго-научных методов философия пользуется для своих построений и для наиболее глубоких синтезов еще и другими способами познания: интуицией, сверхсознанием. У гениальных философов, например, Платон, Аристотель, Плотин, св. Фома Аквинский, Гегель, Шеллинг, есть такие страницы, которые могли быть продиктованы только высшим вдохновением творческого духа, созерцающего истину непосредственно.

Но и здесь важно отметить, что разница между философией и специальными науками заключается лишь в степени участия только что указанных источников познания. В самом деле, - история науки знает примеры открытия научных законов путем внезапного вдохновения. А очень многие ученые могут засвидетельствовать, что некоторые теории, некоторые выводы явились у них как чисто творческие акты, не поддающиеся учету с точки зрения научных методов. Таким образом то, что в специальных науках бывает, как момент привходящий, в незначительной степени, играет в философии важную роль.

Наконец, можно нередко встретить возражения против научного характера философии, основанные на том, что задача науки есть задача «чисто-теоретическая», между тем, как философия ставит себе еще и другие задачи, а именно: оценку существующего и установление идеалов. В настоящее время многие выдающиеся ученые и даже философы находят, что область науки с ее строгой объективностью, с ее «чисто-теоретическими» задачами - познать то, что есть, и область этики с ее оценками существующего, находятся в двух различных плоскостях. Это два совершенно самостоятельные вида рассмотрения одного и того же предмета; они существуют параллельно, и мы даже не можем говорить, что они восполняют друг друга или находятся во взаимодействии.

По поводу этого воззрения надо заметить следующее. Элемент оценки присущ очень многим специальным наукам. Даже если оставить в стороне прикладные науки, где играет важную роль оценка с точки зрения целесообразности, мы получим специальные науки чистые, которые пользуются оценками с точки зрения тех или других норм, т. е. оценками с абсолютным характером. Анатомия знает нормальный тип человеческого скелета, ботаник указывает, что данный экземпляр растения принял ненормальный вид,

зоолог рассматривает известное животное, как уродливое отклонение от нормального типа и т. д.

Далее. Что значит: «познать то, что есть»? Значит ли это, что мы должны удовольствоваться изучением одной внешней стороны нашего предмета, т. е. описанием соответствующих явлений и установлением порядка их последовательности и сосуществования? Но ведь это значило бы впадать в чистый позитивизм. Разум неудержимо стремится к полному знанию, т. е. не только внешней, но и внутренней стороне изучаемого предмета. Он желает познать сущность явлений, их основу, их связь с остальным миром, словом он желает рассмотреть свой предмет *sub specie aeternitatis* - «с точки зрения вечности», как говорил Спиноза, он стремится открыть идею этого предмета, как сказал бы Платон.

А если так, то к «чисто-теоретическому» (Кстати, — это неверная терминология. Теоретическое изучение есть научное изучение; теория какого-либо явления есть объяснение его со всех точек зрения во всей полноте. Таким образом защитники оспариваемого в тексте воззрения должны были бы вместо термина «теоретическое» изучение употреблять какой-либо другой, указывающий на особый характер изучения (одна внешняя сторона), например, историческое, каузальное, генетическое изучение) изучению неизбежно присоединяется оценка его с точки зрения его нормы, идеи, его связи с остальным миром, и наконец с точки зрения его связи с абсолютным началом мира.

Оба вида рассмотрения изучаемого предмета, обе точки зрения на него, т. е. установление и объяснение фактов с одной стороны и вскрытие идеи, лежащей в основе фактов, а в связи с этим оценка фактов с другой стороны, представляют собой удовлетворение потребностей разума, а, следовательно, оба входят в компетенцию науки. Это два порядка, восполняющие друг друга, находящиеся во взаимодействии.

Мы рассмотрели аргументацию того направления мысли, которая признает важное значение метафизики, но отрицает за ней научный характер. В результате следует прийти к такому выводу: чистый позитивизм гораздо последовательнее, логичнее. Он просто не признает ничего, кроме явлений; он отрицает сверхчувственное бытие; для него все принципы, начала идеи - только абстракции нашего ума. Поэтому, стремиться познать сверхчувственное, познать основные начала бытия есть признак низшей ступени умственного развития: ведь все бытие, весь мир сводится без остатка к явлениям, позади их нет ничего.

Однако мы осознаём, что наше внутреннее «я» невозможно загнать в рамки позитивизма.

Каким бы ни было давление, утверждающее, что за пределами наблюдаемых явлений ничего нет и что сверхчувственное бытие не существует, человек никогда не примет это за истину. Внутренний голос нашего существа властно говорит нам, что это бытие существует не менее реально, чем существует бытие, познаваемое при помощи внешних чувств. Существование этого бытия доказывается и массой фактов совершенно объективного характера. Стремление к познанию сверхчувственных основ бытия и к оценке жизни с точки зрения этих основ есть неискоренимое требование нашего духа, и человек перестал бы быть человеком, если бы у него атрофировалась эта сторона [4].

Вот почему известное изречение Аристотеля можно перефразировать так: человек есть существо метафизическое. Вот почему метафизику упразднить можно только тогда, когда мы намеренно замкнемся в какой-нибудь области явлений, изолируем ее от всего остального и не будем хотеть знать о существовании чего бы то ни было, кроме нашего маленького уголка.

В виду неопровержимых данных, доказывающих всю важность и необходимость метафизических стремлений нашего духа, возникло только что рассмотренное течение мысли, признающее и метафизику, и реальное существование того, что она стремится познать, но утверждающее, что это познание не надо смешивать с научным познанием.

Мы видели, что такое воззрение не может быть принято: метафизика не отличается принципиально от науки, она находится в одной с ней плоскости, удовлетворяет, как и наука, запросам разума, есть результат его деятельности. А стало быть она имеет научный характер, она есть наука.

Но если мы будем сравнивать ее со специальными науками, то придем к выводу, что она больше, чем наука.

Мы уже видели, чем отличается философия от специальных наук со стороны своего предмета, задач и методов. Мы видели, что это - различия лишь в степени, различия не принципиальные. Но есть еще одно различие, благодаря которому мы и сказали, что философия - больше чем наука. Дело в том, что философия имеет родство с двумя другими великими областями нашей духовной жизни: с религией и с искусством.

Заменить собой религию и искусство она не может, понятно почему. Религия исходит не от разума; она есть живое, непосредственное общение с Богом, Абсолютным Источником всей мировой жизни; тут всецело область веры, тут удовлетворяются запросы нашего сердца, нашей воли. Религиозные переживания уникальны и несводимы к другим видам опыта. Их глубинное содержание, придающее им абсолютную ценность,

невозможно выразить словами или подвергнуть научному анализу.

Но философия, как мы уже убедились, стремится понять мир как единое целое и его Абсолютную основу. Кроме того, она не может не уделять внимание такой значимой сфере нашей духовной жизни, как религия. Разум стремится понять эту область в ее первоосновах. Таким образом получается ряд точек соприкосновения между религией и философией, ряд общих черт.

Искусство представляет собой результат духовной активности, которая выделяется среди прочих видов деятельности. Оно отвечает не интеллектуальным потребностям, а эмоциональным запросам и чувствам человека. В отличие от науки искусство говорит нам не понятиями, а конкретными образами; оно открывает такие стороны бытия, которые недоступны для науки.

Но философия, как мы видели, включает в себе творческий момент, ярко выраженный. Великие философские учения находят отклик не только в умах, но и в сердцах людей. Вдохновенной интуицией гениальный философ проникает в сущность вещей и дает такие образцы творчества, где самым тесным образом сливается поэт и ученый мыслитель. - Кроме того философия стремится понять эту область духовной жизни человека в ее первоосновах.

Таким образом мы можем сказать, что философия объединяет все области духовной жизни; она даёт высший критерий для оценки всех явлений этой жизни; и Добро и Красота имеют над собой судью, п судья этот называется Истиной.

Из всего сказанного очевидно, что тот поворот к метафизике, который мы наблюдаем в последнее время, надо только приветствовать. Еще так недавно господствовало мнение, что метафизика окончательно сдана в архив человеческих заблуждений, еще и теперь нередко можно встретить не только отрицательное, но даже враждебное отношение к ней со стороны ученых, гордящихся своим позитивизмом. И вот все чаще и чаще мы наблюдаем симптомы грядущего оздоровления человеческой мысли, задыхающейся в тесных станах позитивизма, релятивизма и «реализма». В самом деле: позитивизм сделался основой официальной науки, а вследствие этого наука поражена двумя опасными болезнями, - догматизмом, а главное - нетерпимостью. Все, что выходит из общепринятых в науке шаблонов, объявляется «суеверием», все, что нельзя втиснуть в рамки обычного сознания, например, мистические переживания, религиозные - клеймится термином «патологическое»; все, что выходит из пределов общепризнанных научных методов, называется «ненаучным». Невольно вспоминаются Бэконовские *idola theatri*, охарактеризованные философам, как самые опасные.

Одним из интереснейших симптомов, о которых только что шла речь, является так называемый прагматизм. Чрезвычайно назидательно, что представитель этого философского направления, американский ученый Джемс, обладал всеми данными для того, чтобы заслужить полное одобрение «официальной» науки. Это - эмпирик, чрезвычайно осторожный исследователь, тщательно изучавший факты, стоявший на одной научной почве с таким столпом позитивизма, как Милль, это, наконец, общепризнанный авторитет в психологии.

И вот Джемс восстает против ограниченности позитивизма; он открыто признает важность религиозного и мистического начал; он энергично подчеркивает, что бытие «пластично» до бесконечности: оно включает в себе безмерно больше, чем это кажется узким специалистам с их «научными» методами исследования.

Конечно, в этих заявлениях ничего нового не было. Они являлись по тому времени просто новым, свежим словом лишь среди современного Джемса цеховых ученых. А великие мудрецы много тысяч лет тому назад знали, что физический мир, доступный наблюдению при помощи внешних чувств, есть лишь очень маленькая часть мироздания; что для познания области сверхчувственного нужны еще и другие источники, и что в основе всего мирового процесса лежит разумная абсолютная Первопричина.

Теперь если после всего сказанного мы обратимся к философии права, то должны будем признать, что, то расширение предмета и задач, которое характеризует ее в сравнении с теорией государства и права, является вполне законным с научной точки зрения.

Философия права по отношению к специальным юридическим наукам занимает аналогичную позицию, какую общая философия занимает по отношению ко всем наукам. Разница между философией права и теорией государства и права сопоставима с различием между метафизикой, с одной стороны, и позитивизмом или агностицизмом, с другой.

Философия права объединяет все юридические знания в единую систему. Она анализирует фундаментальные понятия и методы, используемые в различных юридических дисциплинах. Кроме того, философия права стремится раскрыть сущность права как социального явления, его место в глобальном этическом контексте и предоставляет абсолютные критерии для оценки правовых процессов. Она также определяет идеалы, к которым должно стремиться развитие права. Наконец, философия права связывает юридические науки с духовными аспектами человеческой жизни.

Очевидно, что философия права — это не чисто юридическая дисциплина. Она служит связующим звеном между философией и юриспруденцией, объединяя в себе как юридические, так и философские аспекты. Возникает вопрос: вся ли современная дисциплина теории государства и права относится к философии права или только ее часть, а именно общая теория права? Мы полагаем, что полностью, и далее в работе мы это докажем.

В научных кругах существует точка зрения, согласно которой философия права и теория государства и права представляют собой отдельные дисциплины. Обе они обладают научным статусом, однако их нельзя объединять в одну науку. Философия права должна фокусироваться исключительно на исследовании фундаментальных основ права и их взаимосвязи с глобальным этическим порядком.

Такой подход ограничивает возможности философии права. Безусловно, указанные задачи являются ключевыми и основополагающими в нашей науке, однако выделение их в отдельную дисциплину было бы искусственным разделением единого содержания. Это не только искусственное, но и пагубное решение. Если бы мы ограничились только «общей теорией права», если бы мы односторонне выделили и сопоставили принципы, лежащие в основе различных специальных юридических наук, мы бы не достигли подлинного единства, а получили бы конструкцию, висящую в воздухе. У нас не было бы никаких надежных критериев для оценки, и все наши обобщения были бы условными и временными.

Философия права, в свою очередь, устанавливает основные принципы, которые затем находят своё конкретное воплощение в «общей теории права». Подобно тому как общая философия стремится понять не только фундаментальные основы мира, но и то, как они проявляются в реальности и реализуются в жизни, философия права должна выявить общие пути и принципы, через которые абсолютная идея права, являясь частью общемирового этического порядка, проявляется в окружающей нас действительности и истории культуры. Это возможно только посредством изучения понятий, которые лежат в основе всех специальных юридических дисциплин [4].

Насколько тесно переплетены философские и юридические аспекты нашей науки, можно увидеть на примере того, что многие представители теории государства и права не всегда последовательны и часто включают в свои работы элементы оценки и философские вопросы, такие как естественное право, соотношение права и нравственности, свобода воли и другие. С другой стороны, авторы, занимающиеся чистой философией права, нередко анализируют не только общие

юридические понятия, но и затрагивают темы, которые обычно рассматриваются в рамках основ права, например, кратко излагая содержание специальных юридических дисциплин.

Всё вышеизложенное демонстрирует нам исключительную значимость философии права как для каждого образованного человека, так и особенно для юриста.

Право настолько тесно связано с человеческими интересами и непосредственно вплетено в нашу жизнь, что мы не можем оставаться к нему равнодушными. Хотя специализированные вопросы отдельных юридических дисциплин редко привлекают внимание широкой публики, основные вопросы философии права неизменно вызывают общий интерес. Как, например, разобратся в острых и актуальных вопросах, возникающих в связи с такими направлениями, как анархизм и социализм? Где отыскать истину среди бурных споров о задачах государства и наилучших формах его устройства, о различии между правом и силой или произволом, об отношениях между личностью и государством, между церковью и государством и т. д.? Только философия права способна предоставить здесь надёжные ориентиры и уберечь от того мутного источника, которым является болтовня в средствах массовой информации и популистская литература современного либерального мировоззрения.

Для юриста философия права является фундаментом его образования. Она предоставляет ему ориентиры, которые помогают не заблудиться в сложностях правовой сферы. Философия права придает правовой деятельности высокий смысл и показывает, насколько значимо служение закону. Она также служит надежным путеводителем для самостоятельной работы в различных областях юридической практики. Кроме того, философия права защищает от поверхностного подхода к созданию идеалов, к которым должно стремиться правовое сообщество. Именно поэтому отсутствие знаний в области философии права невозможно восполнить и оно неизбежно сказывается на профессиональной деятельности юриста, будь то практика или теория (Достаточно обратить внимание хотя бы на путаницу в терминологии целого ряда основных понятий у представителей специальных наук, на односторонность и узость взглядов в трактовании более или менее широких вопросов, сопрягающихся общими юридическими понятиями, на массу противоречий, на ряд грубых ошибок, чтобы оценить по достоинству недостатки в знаниях по философии права).

В последнее время наблюдается тенденция к смешению философии права и политики права. Один из видных отечественных юристов утверждает, что основная цель философии права — это формирование целостного идеала право-

вого порядка. При этом он уточняет, что этот идеал включает в себя положения, разработанные отдельными юридическими науками в рамках правовой политики.

Для оценки данного подхода следует отметить, что науки политики права не существует. Хотя некоторые ученые стремятся создать такую науку, на данный момент все ограничивается монографиями и учебными курсами. Положения правовой политики, разрабатываемые отдельными специальными науками, также не образуют самостоятельной дисциплины. Несмотря на наличие работ и курсов с названиями, такими как «Уголовная политика», таких наук не существует, и причина этого, вероятно, в следующем. Когда ученый уголовного права, исследуя преступления и наказания, предлагает законодателю те или иные меры, основанные на общих принципах науки уголовного права, и предлагает реформы, все это тесно связано с содержанием всей науки. Без общих начал все эти меры будут лишены смысла. Уголовная политика не является наукой, а представляет собой один из методов обработки содержания науки, известный как «политический метод». Этот метод заключается в определении средств и путей, с помощью которых общие принципы могут быть реализованы в конкретной среде. Здесь важную роль играют соображения целесообразности, потребностей «оборота» и анализ всех условий места и времени [3].

То же самое можно сказать и о других «политиках права». Они являются неотъемлемой частью соответствующих специализированных юридических дисциплин: гражданского, государственного и административного права. На их основе можно создавать отдельные научные труды и учебные курсы, однако наличие специализированного курса, например, «учения о наказании», не означает, что это самостоятельная наука.

Становится очевидно, что философия права не должна смешиваться с проектируемой фантастической наукой политики права. По своей природе философия права не может заниматься изучением множества текущих и изменчивых явлений, таких как различные «конкретные среды», в которых должны быть реализованы те или иные принципы. Это задача специальных наук. Каждая из этих наук, опираясь на общие принципы философии права, должна, во-первых, развить эти принципы применительно к своей области и, во-вторых, предложить средства для реализации полученных выводов в конкретных условиях и в определенном месте и времени (В последнее время большим распространением пользуется мнение, сводящее философию права к социологии права и это мнение не новое. Очень хорошо этот вопрос был изложен еще у Дионисио Анцилотти в работе «Философия права и социология»

(Dionisimo Anziloiti, *La filosofia del diritto e la sociologia*, Firenze, Tip. Bonducianna, 1892); вообще итальянские ученые особенно живо интересовались и интересуются этим вопросом. Если бы даже признать, что социология представляет собой вполне определившуюся науку то и тогда задачи и методы ее не совпадали бы с задачами и методами философии права).

Таким образом, можно заключить, что философия права объединяет все существующие направления нашей науки. Она принимает большинство положений, которые признают эти направления, но добавляет к ним указанные выше элементы, что позволяет избежать крайностей «теории государства и права». Ее основой является идеалистическое мировоззрение, то есть признание существования разумно-этического порядка в мире, частью которого является право. При этом она не игнорирует реальные факты окружающей нас жизни и не отвергает положительное право. Напротив, она утверждает, что понятие права должно быть единым как для юриста, так и для философа, и что без положительного права невозможно говорить о праве. Поэтому изучение положительного права во всей его полноте является необходимым.

Существует значительная разница между двумя подходами к пониманию права. Первый подход рассматривает право исключительно как продукт конкретной социальной среды, полностью обусловленный «соотношением реальных сил» и потребностями экономического оборота. В этом случае мы становимся зависимыми от материала, не имея иных критериев оценки, кроме целесообразности. Мы не можем четко разграничить право и насилие, а также произвол.

Второй подход предполагает, что право является реализацией определенных абсолютных принципов в данной среде. В этом случае мы можем подняться над изучаемым материалом, различать отклонения позитивного права от идеи, а также несовершенную реализацию этой идеи, неизбежную и необходимую в конкретных условиях места и времени.

Таким образом, философия права помогает избежать двух крайностей: полного преклонения перед существующим правом и его легкомысленного отрицания, если оно не соответствует каким-либо идеалам. Кроме того, философия права предоставляет критерии для оценки самих идеалов и позволяет отличать их от утопий.

В заключение стоит подчеркнуть, что в России основоположник нашей науки К. А. Неволин придерживался идеалистического подхода. К этому же направлению принадлежал и выдающийся представитель науки Б. Н. Чичерин. Среди лучших философов права можно выделить В. Н. Трубецкого и П. И. Новгородцева, которые также

разделяли идеалистические взгляды. История нашей науки и ее нынешнее состояние подтверждают справедливость меткого замечания профессора Токийского университета Л. Бриделя, который сравнил философию права с Фениксом, постоянно возрождающимся из пепла. Несмотря на временные периоды, когда противники торжествовали ее гибель, философия права остается бессмертной [1].

Список литературы:

- [1] L. Bridel, *Encyklopedie juridique*, Paris, Félix Alcan, 1907;
- [2] Dionisimo Anziloiti, *La filosofia del diritto e la sociologia*, Firenze, Tip. Bonducianna, 1892;
- [3] Чернявский, А. Г. Философско-правовые основания природы межвластных и властных отношений / А. Г. Чернявский, Н. А. Синяева. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2025;
- [4] Чернявский, А. Г. Общая теория права в связи с аксиологией ценностей / А. Г. Чернявский : ООО «Научно-издательский центр Инфра-М», 2021;
- [5] Н.О. Лосский, *Обоснование интуитивизма*, Санкт-Петербург. тип. М.М. Стасюлевича, 1906;
- [6] И. Кант, *Критика чистого разума*, Пер. с нем. [и предисл.] Н. Лосского, Санкт-Петербург, тип. М.М. Стасюлевича, 1907;
- [7] Чернявский, А. Г. Основы философии права / А. Г. Чернявский. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2025

References:

- [1] L. Bridel, *Encyklopedie juridique*, Paris, Félix Alcan, 1907;
- [2] Dionisimo Anziloiti, *La filosofia del diritto e la sociologia*, Firenze, Tip. Bonducianna, 1892;
- [3] Chernyavsky, A. G. Philosophical and legal foundations of the nature of inter-power and power relations/A. G. Chernyavsky, N. A. Sinyaeva. - Moscow: Limited Liability Company "Scientific and Publishing Center INFRA-M," 2025;
- [4] Chernyavsky, A. G. General theory of law in connection with the axiology of values /A. G. Chernyavsky: Scientific and Publishing Center Infra-M LLC, 2021;
- [5] N.O. Lossky, *Justification of Intuitionism*, St. Petersburg. type. M.M. Stasyulevich, 1906;
- [6] I. Kant, *Critique of Pure Reason*, Per. with him. [and foreword.] N. Lossky, St. Petersburg, type. MM Stasyulevich, 1907;
- [7] Chernyavsky, A. G. Fundamentals of the philosophy of law/A. G. Chernyavsky. - Moscow: Limited Liability Company "Scientific and Publishing Center INFRA-M," 2025.